

И. А. ЕСАУЛОВ, Ю. Н. СЫТИНА

**«Маленький человек» Достоевского
в историко-литературной перспективе:
между «вещью» и личностью**

До сих пор в изучении русской литературы доминирует тенденция одномерного понимания «маленького человека», который будто бы и символизирует «гуманизм» классической русской литературы. Считается, что фраза «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», авторство которой приписывали то Ф. М. Достоевскому (в беседе с М. де Вогюе), то самому Вогюе, акцентирует несомненный приоритет изображения «маленького человека» для новой русской литературы, по крайней мере, с 40-х — 60-х гг. XIX века. Хотя, например, И. С. Шмелёв, тоже отдавший дань в раннем своем творчестве изображению «маленького человека», позже подчеркивал, что новая русская литература вышла не из гоголевской «Шинели», а «из духовной сущности русского народа, из томлений его по “правде Божией” на земле...»*.

Если мы вспомним истоки возникновения темы «маленького человека», то сам историко-литературный материал будет сопротивляться одномерности сугубо «гуманистического» его истолкования: например, уже у Пушкина «маленький человек» Самсон Вырин, помимо понятного читательского сочувствия, обнаруживает некую многомерность (и даже своего рода тиранство, будучи не готов «отпустить» свою «заблудшую овечку», не желая принимать ее собственного счастья с Минским**). Гоголевский же Акакий Акакиевич из безропотной «жертвы» социума посмертно словно бы превращается в сурового мстителя.

Другое дело, что и пушкинская, и гоголевская «линия» была не только позднейшими исследователями, но уже и современниками Пушкина и Гоголя, а затем и писателями 40–60 гг. XIX века, да и, по-

* Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп). М., 1999. С. 543.

** См.: Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 25–30.

жалуй, позже, характерным образом редуцирована. В результате этой редукции «маленький человек» был призван стать своего рода иллюстрацией жестокого социума, жертвой «недолжной» русской действительности, вечным укором «царизму». При этом сам герой лишался как пушкинской, так и гоголевской многомерности, объективировался и овнешнялся, из *субъекта* художественного мира он превращался в *предмет* для всевозможных, преимущественно социологических, манипуляций — т. е. лишался самодостаточности, воспринимаясь как функция, или, в пределе своем — *личность* становилась *вещью*.

Похожим образом обстоит дело и с восприятием героя первого опубликованного произведения Достоевского — Макара Девушкина из «Бедных людей». При сопоставлении интерпретаций этого образа отчетливо видны те или иные исследовательские установки, подходы к творчеству Достоевского в целом, к литературе — и в конечном пределе к пониманию человека как такового. В настоящей статье нас интересуют не столько нюансы в осмыслении образа Макара Девушкина (эгоист он или альтруист? Любит Вареньку отеческой любовью или видит в ней женщину? и т. д.), сколько сам подход к герою, исследовательская позиция по отношению к нему.

Изначально доминантой в интерпретации образа «маленького человека» вообще и героя «Бедных людей» Достоевского в частности, опять-таки с легкой руки Белинского, стала социальная обусловленность характеров. Как тенденциозно «филантропическое», и потому *не* художественное, так как лишенное «бесцельного творчества»*, было воспринято это произведение даже и критиками, далекими от установок Белинского (см., например, об оценке С. П. Шевырева и А. В. Никитенко**). А. П. Дмитриев по этому поводу пишет: «Аксаковы еще до знакомства с произведениями Достоевского были предубеждены против него. <...> Скорее всего, особенно повлияло то, что Достоевский выдвигался западной партией во главе с В. Г. Белинским как бы в противовес Гоголю с его “славянофильским духом”»***.

Таким образом с самого начала герой «Бедных людей» стал восприниматься *функционально*. Важную роль в утверждении такого подхода сыграла статья Н. А. Добролюбова с характерным названием «Забитые люди». Для критика суть романа Достоевского заключается

* Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 139.

** [Фридлиндер Г. М.] <Вводная заметка к примечаниям> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1. М., 1976. С. 474.

*** Дмитриев А. П. К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф. М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 158.

в анализе «аномалий нашей бедной действительности», а достоинство в том, что писатель «умел выразить свой высоко гуманный идеал», отыскать «живые, никогда не заглушимые потребности человеческой природы» — а именно «запрятанный *протест личности* против внешнего, насильственного давления» (курсив наш. — И. Е., Ю. С.), который оказывается даже в «забитом, потерянном, обезличенном человеке»*. Именно социальный протест для Добролюбова — лучшее и высшее проявление, которое может быть у «забитых людей», сами же по себе они или добрые их качества критика не интересуют. В. А. Викторovich, размышляя об оценке «Бедных людей» Добролюбовым и об авторской интенции Достоевского, пишет: «Так далеко разошлись контексты понимания автора и критика, персонифицирующего определенный контингент читателей. То, что для одних — реальное воскресение личности под воздействием животворящего духа братства и милосердия, для других — “полное признание своего ничтожества” (Добролюбов), разумеется, в перспективе спасения “ничтожных” грядущими и уже не “забитыми” личностями, “имеющими в себе достаточную долю инициативы” (Добролюбов)»**.

Эта линия была авторитетной в дореволюционной критике и стала центральной (и долгое время единственной) в советском литературоведении, в том числе как наглядная репрезентация *критического реализма****. Так, для Г. М. Фридендера «тема защиты человеческого достоинства «бедных людей» «тесно» связана именно и только с «передовыми демократическими и утопическими социалистическими идеями эпохи»****. Не что иное как «утопический социализм» побуждает Достоевского искать в «маленьком» человеке «большого», т. е. такого человека, «который способен благородно действовать, благородно мыслить и чувствовать, несмотря на свою нищету и социальную приниженность»****. Для Фридендера «большой» человек значит человек протестующий, способный «критически взглянуть на окружающий мир». И потому исследователь находит, что «разрушение прочности старых, сословных устоев, рост общественного неравенства и деклассации, особенно заметные в городе, являются не только отрицательными,

* Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9-ти т. Т. 7. М., Л., 1963. С. 248.

** Викторovich В. А. «Выяснение таланта» в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 138–139.

*** См.: Есаулов И. А. Критический реализм // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 503–508.

**** Фридендер Г. М. «Бедные люди» // История русского романа: в 2-х т. Т. 1. Л., 1962. С. 406.

***** Там же. С. 406–407.

но и положительными социальными факторами»*, поскольку помогают героям вопреки скованности «их сознания различного рода предрас-судками, критически взглянуть на окружающий мир», порождают «у них более высокие, по сравнению с представителями общественных верхов, моральные идеалы и представления»**. В этой традиции тол-кования «маленький» человек, сведенный к «ветошке», оценивается только с точки зрения его способности к протесту, присущая же героям «безропотность, их молчаливая покорность, их деятельная доброта»*** остаются незамеченными или же воспринимаются как недолжная слабость. Обобщая такого рода интерпретации, уместно привести бел-летристический комментарий А. Труайя к оценке Белинским «Бедных людей»: «Он не угадал, что Макар Девушкин нечто большее, чем просто жертва, ибо добровольно, сам выбрал для себя этот удел. Он увидел в “Бедных людях” повод для пробуждения чувства гражданственности, но не увидел призыва любить человека. Он возмутился палачами — и забыл восхититься мучениками»****.

Спектр подобных интерпретаций, овнешняющих изображаемого автором героя, и сейчас остается весьма влиятельным, хотя в постсо-ветское время появилось немало различных вариантов его пересмотра. Принципиально иначе взглянуть на проблему попытался в свое время М. М. Бахтин, заметив, что «уже в первом произведении Достоевского изображается как бы маленький бунт (но отнюдь не социальный. — И. Е., Ю. С.) самого героя против заочного овнешняющего и завер-шающего подхода литературы к “маленькому человеку”»*****, иными словами, как к «вещи».

«Девушкин увидел себя в образе героя “Шинели”, так сказать, сплошь исчисленным, измеренным и до конца определенным: вот ты весь здесь, и ничего в тебе больше нет, и сказать о тебе больше нечего. Он почувствовал себя безнадежно предрешенным и закон-ченным, как бы умершим до смерти, и одновременно почувствовал и неправду такого подхода. Этот своеобразный “бунт” героя против своей литературной завершенности дан Достоевским в выдержанных примитивных формах сознания и речи Девушкина. Серьезный, глу-бинный смысл этого бунта можно выразить так: нельзя превращать

* Там же. С. 407.

** Там же.

*** Труайя А. Федор Достоевский. URL: https://royallib.com/read/truayya_anri/fedor_dostoevskiy.html#0.

**** Там же.

***** Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 68.

живого человека в безгласный объект заочного завершающего познания»*. Позже против такого «овнешнения» человека, сведения всего его внутреннего мира к математической очевидности наподобие $2 \times 2 = 4$ взбунтуется подпольный парадоксалист, вопросы о возможности сведения личности к «твари дрожащей», о возможности чудом воскресения победить тленную природу и т.д. будут мучать многих героев писателя**.

Однако задолго до Бахтина именно как к личности отнесся к Макару Девушкину один из первых критиков романа В. Н. Майков, сразу же уловивший интерес Достоевского к «личности индивидуума», вторичность в изображении общества, важность социума именно в свете влияния на личность. Об отношениях Девушкина и Вареньки В. Н. Майков размышлял именно как о человеческих, вспоминая свой собственный жизненный опыт и апеллируя к опыту читателя («Кто потрудится пошевелить свои воспоминания, тот наверное вспомнит...»***).

В позднесоветское и постсоветское время появилось немало оригинальных трактовок творчества Достоевского в целом и героя его первого романа в частности, но они, если разобраться, так или иначе продолжают эти две выделенные нами линии отношения к человеку: как к вещи, или как к личности. На первый взгляд, отмечая как «гуманистическую» традицию, так и бахтинский подход, посмотреть на «маленького человека» и на творчество Достоевского в целом предлагает С. Г. Померанц, выдвигая свой критерий для «оценки» русской классики — «европейский счет». Именно он для Померанца, очевидно, является высшим критерием художественной ценности. «Пафос» «Бедных людей», по мнению исследователя, «по европейскому счету целиком принадлежит концу восемнадцатого столетия»****. Хотя кое-что и «было шедевром для 1845 года», однако же что «очень ново и оригинально для русского общества.., вообще говоря, совсем не ново и не оригинально»*****.

* Там же. С. 68–69.

** См.: Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 349–362; Есаулов И. А. Человек-вещь и христианское сознание // Грани. 1994. № 171. С. 259–275; Сытина Ю. Н. 1) О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 128–147; 2) О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 287–299.

*** Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году. URL: http://www.azlib.ru/m/majkow_w_n/.

**** Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 36.

***** Там же. С. 37.

Исследователь дает весьма суровую оценку «предшественнику» Девушкина: «Башмачкин изображен Гоголем еще наполовину в духе реализма XVII века, чуждого идее развития, — как жалкий идиот, ни на что не способный, кроме переписывания бумаг. Конечно, этот идиот страдает и вызывает жалость... но ведь и лошадь можно пожалеть. Кстати сказать, лошади у Льва Толстого (Холстомер или Фру-фру) гораздо человечнее, разумнее, свободнее в своих поступках, чем Акакий Акакиевич. Гуманность Гоголя, чувство родства с униженным и поруганным собратом проявляется только в лирических отступлениях. Объективно Башмачкин изображен как червяк»*. Заметим, что в точности такое же отношение к герою можно найти и в самом внутреннем мире произведения — это отношение «молодых чиновников, которые подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия». Редкостное единение исследователя и персонажей...

Суть аксиологической позиции Померанца видится в самом проходном для автора синтаксическом построении, о котором сам исследователь вряд ли задумывался. Настолько для него стоящее за этой фразой мироощущение (или, пользуясь его же словосочетанием, *чувство жизни*) естественно и как бы самоочевидно. Померанцу необходимо обосновать отнесение «Бедных людей» к произведениям «реализма XVIII века, просветительского, или, лучше сказать, сентименталистского реализма»**. При этом оказывается «важно, *кто* в ней (повести. — *И. Е., Ю. С.*) чувствителен, — маленький человек, ничтожество, которого топчут, не оглядываясь, сильные мира сего»***. Для Померанца важнее именно социальная дистанция между «маленьким человеком» и «сильными мира сего», которые этого человека «топчут». Раз «маленький человек» слаб, он автоматически получает статус «ничтожества», лишается любви, интереса и даже сочувствия. Автор не стесняется признать, что ему непонятно: зачем же вообще писателю «копаться в этой ветошке»? Для него слова «маленький человек» и «ничтожество» — слова одного аксиологического ряда, однородные члены, синонимы, потому он и ставит между ними запятую. А одно из открытий русской литературы в том и состояло, что синонимичность эта мнимая, поэтому ставить запятую между этими словами даже «по европейскому счету» вряд ли нравственно. Вот, видимо, и вся суть отличия между менталитетом исследователя и менталитетом русской литературы. Как бы ни отличались между со-

* Там же. С. 36–37.

** Там же. С. 36.

*** Там же.

бой по своей сути анализ, интерпретации и понимание* Достоевского, в каждой из этих методологических установок в той или иной степени следует учитывать необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае — каждый раз по-своему — как художественная система Достоевского, так и, в целом, его наследие подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета тем или иным симулякром.

Казалось бы, принципиально иначе и с опорой на бахтинскую концепцию старается подойти к образу Макара Девушкина К. А. Баршт, но и у него при ближайшем рассмотрении «маленький человек» превращается в функцию, однако уже не для раскрытия «гуманизма» Достоевского, а для иллюстрации жизненного выбора самого писателя**. <...>

Иначе с этой традицией соотносится интерпретация В. Е. Ветловской, которая, на первый взгляд, наследует линии социальной трактовки «Бедных людей» как произведения «натуральной школы», так или иначе прямо солидаризируясь с В. Я. Кирпотиным, В. И. Кулешовым, В. В. Виноградовым и другими исследователями, пусть с некоторыми нюансами, но прочитывавшими первый роман Достоевского именно как социальный роман в духе «натуральной школы». Для Ветловской Достоевский — «единомышленник» Белинского, хотя и «до известной степени, и то — в известных границах»***. Несчастия героев исследовательница трактует именно как следствие «общественного неравенства» и видит пафос Достоевского в обличении «извращающей» души людей «социальной иерархии»****. Вместе с тем, как верно замечает К. А. Степанян, Ветловская «указывает, что Достоевский здесь пишет не о “бедных людях”, а просто о людях»*****, что сказывается и на интерпретации образа Макара Девушкина, который оценивается Ветловской как замкнутый на себе эгоист, неспособный понять Вареньку и скорее обременяющий ее своими «благоденствиями».

Подобную интерпретацию в свое время предложил В. Н. Майков, с ней, высоко оценивая анализ В. Е. Ветловской романа, солидаризи-

* См.: Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 2 (42). С. 21–25.

** См.: Баршт К. А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.

*** Ветловская В. Е. Достоевский в 1840-е годы: литературные переключки в «Бедных людях» // Русская литература. 2013. № 4. С. 7.

**** Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. С. 79–80.

***** Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. С. 102.

руется и К. А. Степанян, но делает существенную поправку на то, что для Достоевского социальность как таковая была вторична*. <...>

С позиции *христианского реализма* к образу «маленького человека» подходит В. Н. Захаров**. Христианский реализм <...> куда более адекватен для русской классической литературы, нежели «критический реализм», сквозь призму которого десятилетиями рассматривалась и тем самым объективировалась русская литература***. Нужно подчеркнуть, что само понятие христианского реализма — явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о трансисторическом *творческом принципе*, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры.

Захаров утверждает, что в художественном мире Достоевского нет ни «лишних», ни «маленьких» людей: «У него каждый человек велик. Даже Макар Деушкин, социально ничтожный герой первого романа Достоевского...»****. Согласно другой формулировке того же исследователя, «у Достоевского нет маленьких людей — каждый безмерен и значим, у каждого — свое Лицо. У других писателей герой зачастую меньше автора — Достоевский умел явить величие простого человека <...> Герой Достоевского подчас неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но и для автора. У него всегда есть заветное “вдруг” — неожиданный “переворот” во мнениях и поступках, “перерождение убеждений” — преображение личности»*****. Действительно, добавим от себя, Достоевский художественно убедительно показал и тем самым доказал, что и «маленький» человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, «маленьким» (а может только лишь

* Там же. С. 93–94.

** Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.

*** См.: Есаулов И. А. 1) Евангельский текст в русской литературе и современная наука // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 5–23; 2) Критический реализм // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 503–508; 3) Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя // Четвертые Гоголевские чтения: Гоголь и Пушкин. М., 2005. С. 100–108; 4) Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград, 2007. С. 9–20; Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.

**** Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 2008. Вып. 24. С. 44.

***** Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. М., 2013. С. 32–33.

казаться таковым). Однако можно ли утверждать, что такой подход к человеку присущ исключительно Достоевскому? По-видимому, он характеризует русскую литературу как таковую — в ее вершинных проявлениях.

Русская литература создает шедевры, которые как в тексте, так и в подтексте наследуют трансисторической христианской традиции в понимании мира и человека. В этих произведениях память этой традиции живет в давно уже секулярном мире, но эта секулярность все-таки так или иначе помнит о своих христианских истоках. Поэтому — в вершинных произведениях отечественной классики — до тех пор, пока русская литература в своем культурном бессознательном наследует христианской традиции, — и «маленький человек» не может быть вполне объективирован, овнешнен, обезличен, т.е. как бы выведен за пределы христианского представления о человеке. В русской литературе — в ее магистральном векторе — «маленький человек» вовсе не является «вещью»: «простым», т.е. одномерным существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы лишено божественного Лица.

Можно было бы рассмотреть немало других исследовательских трактовок «Бедных людей», но в рамках статьи и ее задач это представляется излишним. Интерпретации образа «маленького человека» вообще и Макара Девушкина в частности можно разделить на те, что подходят к своему «объекту» изучения именно как к объекту, как к *вещи*, воспринимают его функционально, а не самоценно, и потому вне зависимости от того, превозносят ли они героя или же принимают за ничтожество, такие интерпретации выходят за спектр адекватных толкований произведений Достоевского. Те же трактовки, которые учитывают неповторимую личностность Макара Алексеевича (обвиняется ли он при этом в эгоизме, или же напротив) входят в спектр адекватности, далее уже — спор об оттенках.

